

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

За большевистский транспорт

Газета политотдела Тайинского отделения движения Томской ж. д.

№ 66 (497)

21 июня 1936 года, воскресенье

ЦЕНА 5 КОП.

Умер Алексей Максимович Горький

от ЦК ВКП(б) и СНК ССР

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР с глубокой скорбью извещают о смерти великого русского писателя, гениального художника слова, беззаветного друга трудящихся, борца за победу коммунизма тов. Алексея Максимовича ГОРЬКОГО, последовавшей в Горках, вблизи Москвы, 18 июня 1936 г.

Центральный Комитет ВКП(б)

Совет Народных Комиссаров Союза ССР.

О ПОХОРОНАХ А. М. ГОРЬКОГО

Правительство утвердило комиссию по организации похорон А. М. Горького в составе товарищей: Булганина (председатель), Хрущева, А. Н. Толстого, Б. С. Иванова, Ставского, Стецкого, Каменского, Ходоровского, Уншлихта, Б. К. Крючкова.

Похороны А. М. Горького приняты за счет государства.

Похороны состоятся 20 июня в 6 час. вечера на Красной площади.

О литературном наследстве А. М. Горького

Центральным Комитетом ВКП(б) и Советом Народных Комиссаров Союза ССР утверждена комиссия в составе: Стецкого (председатель), Крючкова, Ставского, Талия, Бубнова—для приемки литературного наследства и переписки А. М. Горького.

Москва, Правлению Союза Советских Писателей

Рабочие и служащие Тайинского ж. д. узла собравшиеся на траурное собрание глубоко скорбят о смерти горячо любимого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького. Рабочие Тайинского узла, как и все трудящиеся мира, высоко ценят самоотверженного борца за коммунизм А. М. Горького.

Железнодорожники никогда не забудут Максима Горького, как великого гуманиста, борца за нового культурного человека, вырастающего в Советской стране в лице рабочих стахановцев—крайносовцев и ударников. Мы обещаем Правлению Союза советских писателей, председателем Правления которого был А. М. Горький, широко ознакомить всех рабочих с литературными трудами покойного. Своей работой добьемся, чтобы станция Тайга была образцовой, культурной станцией, не похожей на ту станцию, которую описал Горький в своем произведении „Сторож“.

Президиум собрания.

Москва, семье Алексея Максимовича Горького

Траурное собрание железнодорожников станции Тайга выражает Вам свое соболезнование и глубоко скорбит вместе с Вами о невознаградимой утрате понесенной всей Советской страной в связи со смертью Алексея Максимовича Горького.

Президиум собрания.

„Нет сомнений, что Горький—громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению“

(Ленин, том XX, стр. 41)

ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА

Смерть вырвала одного из лучших сынов нашей социалистической родины, любимого пролетарского писателя Максима Горького. Не слов, которыми можно бы выразить всю тяжесть этой утраты.

Нам, рабочим, произведения Максима Горького являлись и будут являться лучшими учебными пособиями по овладению великим мастерством художественного слова.

Мне кажется, что ничьи произведения не доходили так близко до сознания самых широких слоев трудящихся, как Максима Горького. Его произведение „Мать“ я читал очень давно, но оно со всей ясностью сохранилось у меня в памяти. У Горького нам надо учиться очень и очень многому.

Григорьевич.
строгальщик депо Тайга.

ВЕЛИКИЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Смерть А. М. Горького тяжела для всех трудящихся. Ею произведения понятны и близки в сем трудающимся. Несмотря на то, что труды Алексея Максимовича ежегодно по несколько раз переиздаются, их все же нехватает. В нашей Тайинской библиотеке достать ту или иную книгу Горького трудно, они всегда бывают разобраны.

Лично предложение: ходатайствовать перед Правительством о много тысячном издании избранных произведений Горького. Набирать его книги, по моему мнению, надо более крупным шрифтом, как наиболее легко читаемым малоподготовленным читателем.

У себя в дистанции пути мы организуемромкие чтения произведений А. М. Горького. Иванов.

Партнер Тайинской дистанции пути

МОИ ВСТРЕЧИ С ГОРЬКИМ

Алексеем Максимовичем Горького я видел три раза в Москве; два на первомайских парадах и один раз в 1933 году на литературном вечере в клубе „КОР“. Вспоминается его высокая худощавая фигура с нахмистыми бровями и ласковыми глазами. Очень жаль расставаться с Алексеем Максимовичем. Я все его произведения прочел. Ожидал от него новой книги. Особенно мне понравились „Макар Чудра“, „Челкаша“, „Мать“, „Жизнь Матвея Кожемякина“.

Наше Правительство должно увеличить тиражи выпуска произведений А. М. Горького. Память о неутомимом борце за коммунизм, его художественные произведения на всегда останутся в памяти культурного человечества.

П. Бушмелев.

Редактор хладотранспорта

В июне добиться резкого сокращения аварий и крушений

Телеграмма товарища Л. М. Кагановича
НАЧАЛЬНИКУ ТОМСКОЙ ДОРОГИ ТОВ. ВАНЬЯНУ
НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОДЕЛА ТОВ. СТЕПАНОВУ

В дополнение к посланному Вам по телеграфу моему распоряжению о результатах проверки выполнения приказов и распоряжений НКПС по борьбе с крушениями и авариями устанавливаю по Вашей дороге следующее:

Томская дорога продолжает занимать по количеству крушений самое худшее место. За 5 месяцев 36 года на дороге было 177 крушений, в том числе 26 крушений из-за неисправности пути, 25 крушений из-за проезда машинистами закрытых семафоров, 18 из-за приема на занятый путь и 41 крушение из-за излома осей и шек. Добившись некоторого снижения количества крушений в апреле, по сравнению с мартом, Вы допустили увеличение их в мае и возвратились к тому количеству крушений, которое было в начале года.

Барнаульское, Новосибирское, Новокузнецкое и Тайгинское отделения Движения Вашей дороги входят в число наиболее аварийных 17-ти отделений сети, которые дают 30 процентов всех крушений и аварий на транспорте. Станции Эйхе, Новосибирск, Барнаул и Усаты входят в число 38 станций сети, которые с начала года дали свыше 20 процентов всех крушений и аварий на железнодорожном транспорте. Депо Новосибирск, Тайга, Кузнецк, а также 10-я, 13-я и 17-я ди-

станции пути в свою очередь являются гнилыми очагами крушений, резко выделяющимися не только на дороге, но и на всей сети.

Обращаю также Ваше внимание на то, что на дороге увеличились в мае порчи паровозов, в том числе на 15 процентов возросли порчи с требованием вспомогательных. На дороге безобразно организовано дело ликвидации крушений и, в результате, перерыв движения увеличился — в мае против апреля больше, чем в два раза. Такие крушения, как крушение поезда № 41 18 мая, где из-за безобразного состояния пути было убито 10 человек и ранено свыше 30 человек, или крушение поезда № 55 19 мая, когда из-за расхлябанности кондукторской бригады, забывшей убрать башмак, сошли с рельсов два вагона и только по счастливой случайности не было человеческих жертв, — ярко показывают на продолжающуюся расхлябанность среди многих работников дороги и в первую очередь ее командного состава.

Предлагаю Вам при выполнении моего распоряжения по борьбе с крушениями и авариями обратить особое внимание на устранение указанных выше фактов по Вашей дороге.

Народный комиссар путей сообщения Л. КАГАНОВИЧ.

Отклики на смерть А. М. Горького

Великий художник

С глубокой скорбью я прошел сообщение Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома СССР о преждевременной смерти великого художника слова товарища Алексея Максимовича Горького. Жаль, без конца жаль потерять такого талантливого пролетарского писателя.

Вспоминаю ряд прочитанных мной произведений Горького. Его книги так привлекают, что нет сил оторваться от чтения их. Из всех его произведений мне больше всего понравилась книга „Мать“. Большое впечатление произвела на меня пьеса Горького „На дне“. Эта пьеса так волновала меня, что я поставил цель непременно участвовать в постановке ее перед рабочими. Учась в 1929 году в Томском Профтехкомбинате, я исполнял в этой пьесе роль Луки. Сейчас я решил снова прочесть его произведения.

Колчев.
Маневровый диспетчер
ст. Тайга

ОРГАНИЗУЕМ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК

О смерти пролетарского писателя А. М. Горького я узнал 19 июня на траурном митинге в клубе имени Ленина.

С произведениями Алексея Максимовича я знаком с дореволюционного времени — 1910-13 гг. В это время я был членом союза деревообделочников. Мы коллективно

читали „Мать“, „Челкаш“, „Сторож“ и много других произведений Алексея Максимовича.

Я решил в кондукторском резерве ст. Тайга организовать литературный кружок по изучению избранных сочинений А. М. Горького.

Чивилихин,
главный кондуктор.

Прочту все произведения Горького

Также было читать скромное извещение о смерти выдающегося борца за коммунистическое общество, гениального мастера художественного слова — Алексея Максимовича Горького. Я недавно прочел его книгу „Мать“. Это произведение произвело на меня неизгладимое впечатление, оно заражает читателя революционным энтузиазмом, призывает к борьбе с само-

державием. В ближайшее же время я решил прочесть все его произведения.

Мое предложение — комитету комсомола нашей станции организовать литературный кружок совместно с рабочими по проработке произведений А. М. Горького, чтобы его труды особенно у молодежи остались в памяти на всю жизнь.

Гелинов, технический конторщик ст. Тайга.

Командиры должны организовать борьбу с авариями

Тяжелым обвинением звучат слова в телеграмме ставленного наркома железнодорожного транспорта Лазаря Моисеевича Кагановича о том, что „Томская дорога продолжает занимать по количеству крушений самое худшее место“.

Эта горькая истина не может не вызвать в сердцах всех железнодорожников чувства величайшей тревоги, чувства величайшего напряжения, сознания того, что в результате расхлябанности, недисциплинированности, в результате нарушения элементарнейших технических правил на дороге ежедневно происходят аварии и крушения.

В конечном счете дорога с перевозками выполняет государственный план погрузки.

В апреле у нас было больше революционного напряжения, больше конкретных боевых действий в борьбе с авариями и крушениями, меньше было аварий.

В мае, когда мы должны были вовсю развернуть путевые работы, когда командиры всех служб должны были особенно взяться за перестройку технологического процесса, внедрение в систему работы опыта передовых стахановцев-кривоносовцев, — получилось обратное. Внимание к безопасности движения поездов ослабло, борьба с крушениями и авариями была не развернута, аварии и крушения опять выросли.

Барнаульское отделение — начальник тов. Власенко, Новосибирское — тов. Иванов, Тайгинское — тов. Оборотов, Новокузнецкое — тов. Андреев входит в число 17-ти самых худших отделений сети дорог Союза, которые дают 30 процентов всех крушений и аварий на транспорте. Позорят дорогу крупнейшие станции дороги: Новосибирск, Эйхе, Барнаул и Усаты, а Новосибирское, Тайгинское и Кузнецкое депо, 10-я, 13-я и 17-я дистанции пути, как указывает нарком, являются гнилыми очагами крушений, резко выделяющимися не только на дороге, но и на всей сети.

Суровым обвинением командному и политическому составу звучат эти слова!

Если бы командиры 10-й, 13-й и 17-й дистанций организовали образцовое содержание путей и подняли бы всех стахановцев на борьбу за стахановские километры и околотки, понятно, что эти дистанции не были бы очагами аварий.

Вся беда в том, что на Томской дороге забыли о приказе Лазаря Моисеевича о борьбе с крушениями и авариями. Вся беда в том, что и после разгрома контрреволюционной шпионско-диверсионной группы многие командиры и партийные работники не взялись по настояющему за ликвидацию последствий преступных действий врагов рабочего класса, не подняли революционной бдительности, не придали оперативных, хозяйственных и организационно-технических мер к предупреждению аварий и крушений.

Наш любимый нарком Лазарь Моисеевич Каганович оказывает железнодорожникам Томской исклучительное внимание и помощь. Он повседневно заботится о нашей работе. Выражением этой заботы является и опубликованная нами сегодня телеграмма. Лазарь Моисеевич Каганович указывает нам, железнодорожникам Томской, что мы позорно ослабили борьбу с авариями и крушениями, что мы до сего времени находимся в позорном хвосте.

Железнодорожники Томской, и, прежде всего, командный состав, должны приложить все силы, все свое умение на то, чтобы преодолеть этот барьер, мешающий нашему движению вперед — аварии и крушения. Надо обсудить телеграмму наркома на широких рабочих собраниях. Не многословных обязательств, не резолюций, а боевой оперативной работы требует от нас нарком. И дело чести железнодорожников Томской в ближайшее же время добиться резкого сокращения аварий и крушений, чтобы это позорное явление не было позором в борьбе за увеличение погрузки, за бесперебойный вывоз из Кузбасса угля и металла.

(„Железнодорожник Кузбасса“).

Изучать произведения пролетарского писателя

Умер один из великих умов человечества. Ушел от нас преждевременно будущий писатель — Алексей Максимович Горький.

Алексей Максимович великий писатель, сумевший мастерски описать жизнь и борьбу трудящихся. Произведения А. М. Горького

будут изучаться поколениями.

Мы предлагаем организовать литературные кружки по проработке произведений нашего любимого писателя А. М. Горького.

Диспетчеры: Артюхов, Пестов.

А. М. Горький

ПЕСНЯ О СОКОЛЕ

Море огромное, лениво вадыше у берега — уснуло и неподвижно в дали, облитой голубым сиянием луны. Мягкое и серебристое, оно слилось там с синим южным небом и крепко спит, отражая в себе прозрачную ткань перистых облаков, неподвижных и не скрывающих собою золотых узоров звезд. Кажется, что небо все ниже наклоняется над морем, желая понять то, о чем шепчут неугомонные волны, сонно всползая на берег.

Горы, поросшие деревьями, уродливо изогнутыми гордостом, резкими взмахами подняли свои вершины в синюю пустыню над ними, суровые контуры их округлились, одетые теплой и ласковой мглой южной ночи.

Горы важно-задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали черные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены, — все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, еще скрытой за горными вершинами.

—А-ала-ах-а-акбар!.. —тихо вадыхает Надыр-Рагим-Оглы, старый крымский чабан, высокий, седой, сожженный южным солнцем, сухой и мудрый старик.

Мы с ним лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом, — у камня центрального, хмурого. На тот бок его, который обращен к морю, волны набросали тины, водоросли, и обвещанный ими камень кажется привязанным к узкой песчаной полоске, отделяющей море от гор. Пламя нашего костра освещает его со стороны, обращенной к горе, оно вадрагивает, и по старому камню, изрезанному часто сетью глубоких трещин, бегают тени.

Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда все кажется призрачным, одухотворенным, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко, и нет никаких желаний, кроме желания думать.

А море ласится к берегу, и волны звучат так ласково, тепло просят пустить их погреться к востру. Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная иshalовливая нота — это одна из волн, посмелее, подползла ближе к нам.

Рагим лежит грудью на песке, головой к морю, и вдумчиво смотрит в мутную даль, опершись локтями и положив голову на ладони.

Мохнатая баранья шапка сехала ему на затылок, с моря веет свежестью в его высокий лоб, весь в мелких морщинах. Он философствует, не спрашиваясь, слушаю ли я его, точно он говорит с морем:

—Верный богу человек идет в рай. А который не служит богу и пророку? Может, он — вот в этой пещере... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?

Темное, могуче размахнувшееся море светлеет, местами на нем появляются небрежно брошенные блики луны. Она уже выплыла из-за мохнатых вершин гор и теперь задумчиво летит свой свет на море, тихо вздыхающее ей на встречу, на берег и камень, у которого мы лежим.

Рагим!.. Расскажи сказку... — прошу я старика. Зачем? — спрашивает Рагим, не оборачиваясь ко мне. — Так! Я люблю твои сказки — Я тебе все уж рассказал... Больше не знаю... Это он хочет, что бы я попросил его. Я прошу. — Хочешь, я расскажу тебе песню? — соглашается Рагим. Я хочу слышать старую песню, и упыльным речитативом, стараясь сохранить своеобразную мелодию песни, он рассказывает.

Высоко в горы вполз уж и лег там в сырому ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, а горы вноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

А по ущелью, во тьме и брызгах, поток стремился к морю, волны набрасали тины, водоросли, и обвещанный ими камень...

Весь в белой пene, седой и сильный, он резал гору и падал в море, серди то воя.

Вдруг в то ущелье, где уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твердый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подцепил он ближе к разбитой птице и прошептал он ей прямо в очи:

—Что, умираешь?

—Да, умираю! — ответил Сокол, вздохнув глубоко. — Я спасно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился... Я видел небо. Ты не увидишь его так близко!.. Эх, ты, бедняга. Ну, что же — небо? Пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сиро!

— Так уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай,

иль ползай, конец известен; все в землю лягут, все прахом будет...»

Но Сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повел очами.

Сквозь серый камень во да сочилась, и было душно в ущелье темном и пахло гнилью.

И крикнул Сокол, с тоской и болью, собрав все силы:

—О, если бы в небо хоть раз подняться!.. Врага прижал бы я... к ранам груди... захлебнулся бы моей он кровью... О, счастье битвы!..

— А уж подумал: «должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно, воль он так стонет...»

И предложил он свободной птице: — «А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся.

Быть может, крылья тебя поднимут и поживешь еще немного в твоей стихии».

И дрогнул Сокол и, гордо крикнув, пошел к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошел он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и — вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по скалам, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

«Волна потока его схватила и, кровь омывши, опала в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным ревом о камень бились... И трупа птицы не видно было в морском пространстве... II

В ущелье лежа, уж долго думал о смерти птицы, о счастьи к небу.

И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

— А что он видел, умерший Сокол, в пустыне этой без дна и края? Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полетам в небо? Что им там ясно? А я ведь мог бы узнати все это, взлетевши в небо хоть не надолго.

Сказал и — сделал. В колыбель свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рожденный ползать — лептать не может!.. Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

— Так вот в чем прелест полетов в небо! Она — в поденьи!.. Смешные птицы! Земли не знают, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной. Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу. Зачем же гордость? Зачем укоры? Затем, чтобы ею прикрыть безумство своих желаний и скрыть за ними свою ненадежность для дела жизни? Смеш

ные птицы!.. Но не обманут теперь уж больше меня их речи! Я сам все знаю! Я — видел небо... Взлетел в него я, его измерил, познал паденье, но не разбрился, а только крепче в себя я верю.

Пусть те, что землю любят не могут, живут обманом. Я знаю правду. И их призываю я не поверю. Земли творенье — землей живуя.

И он свернулся в клубок на камне, гордясь собой.

Влестело море все в ярком свете, и грозно волны о берег бились.

В их львином реве гремела песня о горной птице, дрожали скалы от их ударов, дрожало небо от грозной песни:

Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни.

И много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе и свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..

Молчит опаловая даль моря, певуче плещут волны на песок, и я молчу,

глядя в даль моря. На воде все больше серебряных пятен от лунных лучей... Наш котелок тихо закипает.

Одна из волн игриво скатывается на берег и, вызывающе шумя, ползет к голове Рагима.

— Куда идешь? Пшла! — машет на нее Рагим рукой и она покорно скатывается обратно в море.

Мне нимало не смешна и не страшна выходка Рагима, одухотворяющего волну. Все кругом смотрит странно-живо, мягко, ласково. Море так внушительно спокойно, и чувствуется, что в свежем дыхании его на горы, еще не остывшее от дневного зноя, скрыто много мощной, сдержанной силы. По темносинему небу золотым узором звезд написано нечто торжественное, чарующее душу, смущающее ум сладким ожиданием какого-то откровения.

Все дремлет, но дремлет напряженно-чуть, и кажется, что вот в следующую секунду все встрепенется и зазвучит в стройной гармонии неясные сладкие звуки. Эти звуки рассказывают про тайны мира, разъясняют их уму, а потом погасят его, как призрачный огонек, и увлекут с собой душу высоко в темносинюю бездну, откуда навстречу ей трепетные узоры звезд тоже зазвучат дивной музыкой откровения...

ПЕСНЯ О БУРЕВЕСТИНИКЕ

Над седой равниной моря ветер туч собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни, гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только Гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже туч опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В поне гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн обятьем крепким

— Буря! Скоро грянет буря! Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!

Врид. ответ. редактора А. КРАВЧЕНКО.